

Марина Журинская

Мишка.

**О любви
к Божьему
созданию**

Правмир
и
ФОМА
рекомендуют

Марина Андреевна Журина

Мишка. О любви к Божьему созданию

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57139341

Мишка. О любви к Божьему созданию: Нукея; Москва; 2020

ISBN 978-5-907307-22-3

Аннотация

История необыкновенного кота Мишки не только изобилует увлекательными забавными и драматическими эпизодами – в ней проглядывает повседневная жизнь Мишкиной хозяйки, мудрой христианки, чьей дружбой дорожили епископы, игумены и священники. Без пафоса, но с юмором Марина Журина говорит о вещах житейских и духовных, заражая читателя любовью к Божьему созданию – вплоть до самого малого цветочка.

Содержание

Мишка и некоторые другие коты и кошки	5
Появление	5
Как он стал Мишкой	9
Родословная	11
Внешность	12
Проблема номер один: питание	19
Еще одна проблема номер один: воспитание	31
Московское детство и первый выезд	51
Первое лето. Первые друзья и враги	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марина Жури́нская **Мишка. О любви к** **Божьему созданию**

© Жури́нская М.А., наследники, 2020

© ООО ТД «Никея», 2020

Мишка и некоторые другие коты и кошки

Строго документальное повествование

Появление

Появление Мишки в нашей жизни было самым романтичным. Однажды темным и выюжным декабрьским вечером я поехала на южную окраину Москвы – по делам. Но было не до дел: в хозяйской кухне сидел очень милый немного знакомый мне человек, глубоко расстроенный. На коленях у него помещался довольно крупный котенок из тех, которые мне всегда нравились: пуховый, дымчато-пятнистый и с роскошным хвостом. Мне тогда показалось, что его немного портит белое асимметричное пятно на морде, но вот уже больше пятнадцати лет мне так не кажется. Котенок заводил глаза к небу, махал ресницами (не путать с глазными вибриссами! у него были самые настоящие ресницы, длинные и пушистые – и сохранились навсегда) и, казалось, прощался с белым светом. И было с чего: вокруг ног его естественно-го защитника и покровителя вились взрослые кот и кошка и непрестанно шипели. Визави с оным защитником сидел

крупный черный лохматый пес и непрерывно лаял.

Несколько человеческих участников этой сцены тоже выглядели весьма расстроенными, то есть выступали на стороне котенка. Но что они могли поделать, если неумолимые силы судьбы обрушились на это беспомощное существо? Женская часть семьи его хозяина заявила, что достаточно в доме одной кошки, матери вышеописанного, а держать при ней сына – непозволительная роскошь. Его крестница-школьница договорилась с подружкой, которой очень хотелось пушистого котенка, что та его возьмет. Вот бедный хозяин, очень котенка любивший, сунул его за пазуху и при ужасной погоде (см. начало) повез через всю Москву с севера на юг в семью крестницы. А когда привез, то позвонила подружки-на бабушка и сказала, что они с внучкой поругались и в наказание никакого котенка той не будет. Оставалось только немного передохнуть в не очень располагающей обстановке, снова засунуть страдальца за пазуху и тащить обратно через весь громадный выюжный и темный город в дом, где был обеспечен более чем холодный прием.

Мне стоило героических усилий смолчать, но я смолчала. А приехав домой, сказала мужу:

– Давай возьмем котенка, – и вкратце описала ситуацию.

Никакого особого энтузиазма глава домашней церкви (в дальнейшем для краткости будем называть его Я. Г.) не проявил, вяло пробормотав, что-де если ты очень хочешь, то возьмем, но ведь мы договорились жить без животных; это

очень сковывает, не будет никаких совместных поездок и вообще ответственность... Вопрос повис в воздухе, а для настаиваний было уже поздно.

Важно, что все это было во вторник. В среду Я. Г. отправился на работу, а ко мне приехала коллега. И тут по комнате, где мы сидели, по четкой диагонали, нагло, враскачку, гремя когтями, прошла большая МЫШЬ. Я немедленно позвонила мужу и твердо сказала:

– У нас мыши. Наташа свидетель. Берем котенка.

В трубке раздались вздох и согласие. Я молниеносно позвонила несчастному хозяину и мигом его осчастливила. Только договорились, что он привезет котенка с утра в субботу, чтобы мы закупили необходимые ему предметы и продукты и смогли быть с ним весь день до вечера, чтобы при-
вык.

А в четверг, когда Я. Г. пришел с работы и ужинал, по кухне наискосок не торопясь прошла мышь поменьше. Тут моя жизненная опора, слегка вздрогнув, задалась вопросом:

– А нельзя попросить, чтобы его прямо сейчас привезли?

Но договор есть договор, и котенок появился утром в субботу. Как полагается, он тщательно обошел всю квартиру и завалился спать. К вечеру проснулся и еще раз обошел квартиру, причем проделывал какие-то таинственные телодвижения (очень было похоже на ритуальный танец) на мышиных трассах. И поел.

С тех пор мышей в доме не было. И мы с удовольстви-

ем представили себе, как они в панике пакуют чемоданы, заземляя друг другу лапы и хвосты, и переругиваются хриплым шепотом.

А Я. Г. с тех самых пор стал самым верным и любящим Мишкиным другом. И вовсе не из-за мышей, а по душевному расположению.

Как он стал Мишкой

Мишкой он стал очень скоро, приобретя заодно парадное (практически неупотребляемое) имя *Муркель-Муркис де Миша* (первое слово немецкое, второе литовское, остальное, понятно, французское, но по-французски пишется *demi-chat*, то есть *полукот*, и подразумевается, что на другую половину – существо более высокого ранга). Наряду с этим именем он со временем приобрел еще несколько обиходных кличек: *Михрюндий* (в минуты веселья или безобразий), *Котарх* (в знак почтения к пышной красоте и величественному виду зрелого возраста), *Котауси* (плагиат из Чуковского). Однако при антиобщественном поведении Мишку называли *Мордарий*, потому что общее благородство (его и наше) не позволяло сказать запросто *ах ты, морда*. Но очень часто его звали без затей попросту *Кот*. Еще несколько кличек обуславливалось внешним видом, и о них ниже. А почему Мишка – на этот вопрос мы через несколько лет отвечали одному священнику:

– Видите ли, батюшка, он был в детстве очень похож на медвежонка-гризли: лапы толстые, ходит загребая, лобастый и крупный.

На это батюшка осчастливил нас притчей:

– Вот видите, что значит *наречь слова вещам*: вы его называли Мишкой, и он стал думать, кем ему лучше расти, ко-

том или медведем. В конце концов решил, что котом все-таки лучше, да уж поздно: видите, какой большой вырос.

Вырос действительно большой: всю свою взрослую жизнь весил 6,5 кг, причем жирным не был, а, по Высоцкому, *только челюсти да шерсть*. И очень мощные мускулы. И чудовищной величины и остроты когти. И огромные клыки в тех самых челюстях.

Всю свою жизнь с котом мы (бестактно, как постепенно выяснилось) гордились тем, что при первом знакомстве с ним большинство людей восклицает «Ой, какой огромный!» или что-то еще в том же роде. Иногда, правда, заметно было, что его это не радует, и чем дальше, тем больше. Потом я прочла, с каким раздражением реагировал на тот же возглас относительно себя при тех же обстоятельствах Сергей Довлатов. И призадумалась о судьбах людей и котов.

Родословная

Для беспородного кота не такая уж и плохая: папа сибиряк, а мама голубая турецкая ван. Для непосвященных: турецкие ван – это та порода, которую (неправильно) называют ангоркой: белый пух (не путать с персами, которые на фоне ван просто жесткошерстные) и палевые ушки и хвост, очень пушистый. Так, у Мишкиной мамы они, то есть ушки и хвост, были голубыми. Между прочим, турецкие ван умеют и любят плавать. А Ван – это озеро в Турции, так что в минуты досады мы Мишку называли и *Турксиб*, хотя кто сейчас уже помнит, что была такая великая стройка социализма Туркестано-Сибирская железная дорога, тем более что в «Золотом теленке» она описывается под псевдонимом Восточная магистраль.

Мишкино же отношение к воде было довольно специфическим: временами тяга, временами страх. А вот один из его потомков в зрелом возрасте вернулся к обычаям предков. Но обо всем в свое время.

Внешность

Минуя голенастый подростковый возраст, когда кот рос в длину по горизонтали (туловище и хвост) и в высоту по вертикали (лапы, лапы и еще раз лапы) и решительно игнорировал ширину, перейдем к описанию Мишки в расцвете сил, который длился более десятилетия – с двух до двенадцати лет, а при приближении четырнадцатилетия, после некоторой заминки, наступил вновь в связи с переменной обстоятельством.

Начнем с того, что описать его невозможно. Мордой он смахивает на енота (темные пятна под глазами, доходящие до щек), спиной – на треску (темная полоса вдоль хребта и по бокам пятна; затем эти пятна переходят отчасти в полоску, отчасти в клетки, так что называли его и *кот-рыбка*, а однажды назвали шахматным котом). Нос с небольшой горбинкой. Эта деталь достойна более подробного описания. То самое белое асимметричное пятно похоже на слегка сдвинутый от центральной оси мордочки почти прямоугольный треугольник (самый острый угол – на лбу). Поэтому носик розовый (по интенсивности розового цвета определяется самочувствие кота: когда он бодр до чрезвычайности, носик ярко-розового цвета, а когда не очень – цвета бледной чайной розы). Но правая ноздря выходит за границы белого треугольника, поэтому на ней темное пятнышко, похожее на ро-

динку. Очень симпатичное.

Из-за носа с горбинкой у нас однажды возникла была идея сравнить его профиль с ахматовским, но мы эту идею сразу же отвергли по той весомой причине, что у Анны Андреевны отнюдь не было полосатых щек. И вообще, это люди бывают похожи на котов, а коты на людей, как ни странно, никогда.

С годами, всматриваясь в котовую морду и размышляя над его повадками засадного животного, мы сделали открытие: вертикальные полосочки над глазами кота изображают... глаза, причем с крайне неприятным выражением. При неясном свете можно подумать, что кот бдит и чрезвычайно недоволен жизнью (на страх мышам), а на самом деле он мирно дремлет, параллельно осуществляя мощный психологический нажим.

Но возвратимся к описанию неопишуемой внешности. Брюхо у Мишки белое, но если присмотреться, то убеждаешься, что кот застегнут на три пуговицы, потому что в трех местах на белом серое с одного бока подходит к серому с другого бока почти вплотную. Очень мощный затылок, и на нем пять темных полосок. Макушка бархатная, темно-голубая, и полосочки эти выглядят как спускающиеся с нее кошечки. У грозного и ужасного Мики, который еще будет время от времени упоминаться, тоже пять полосочек на затылке. Интересно, это у всех котов, склонных в той или иной степени к полосатости, или только у некоторых? И если у некоторых, то не является ли это знаком достоинства вроде

эполет?

Хвост ровного дымчатого цвета и очень длинный и по всей длине одинаковой ширины (значительной). Между пальцами густо растет шерсть. Сначала это меня немного огорчало, потому что такое свойство было в книжке про Маугли у отрицательных красных волков. Но потом я успокоилась тем, что на всех не угодишь, а Мишка даже без этой шерсти никак не тянул бы на положительного волка, потому что как-никак кот. А выглядит это довольно привлекательно. Лапы у кота поперечно-полосатые, и почему-то шерсть на них отлиывает перламутром; полосы дымчатые и бежево-палевые. Имеют место белые перчатки и носочки; на одной задней лапе еще и белая повязка над коленом, что часто наследуют потомки. Грудь белая и пушистая до чрезвычайности; полное впечатление, что над жилетом – жабо. Очень крупная голова, а уши небольшие и с закруглением на концах. Невероятной пышности бакенбарды, придающие этому в значительной степени тигрообразному коту нечто львиное; эти бакенбарды растут к тому же на очень полных щеках, так что морда кота буквально поперек себя шире, что впечатляет, особенно на фоне общей громадности.

Однажды на Пасху некое духовное лицо, дабы доставить мне пасхальную радость, привезло в гости другое духовное лицо, высокого сана и очень сдержанного нрава. На звонок и пасхальное приветствие я открыла дверь; Мишка сидел на табуретке у входа и смотрел с интересом. Высокий гость дол-

жен был войти первым, но медлил в дверях. Его спутник сзади сказал: «Ну, проходите же, отец игумен», на что отец игумен воскликнул: «Что значит *проходите*, когда я его боюсь!» А Мишка всегда перед духовенством благоговел и вообще никого из людей не обижал (почти).

Глаза у Мишки при этом желтые с зеленым наружным ободком; когда смотрит пристально, то выражение имеют слегка совиное, что и позволило однажды очень образованному человеку заметить, что кот похож на Афины Палладу (постоянный ее эпитет в античных текстах – *совоокая*). В общем-то глаза эти нормального для кота размера, но на громадной морде выглядят небольшими и посажены наружными уголками не вверх, а вниз, что в совокупности с небольшим носом усиливает впечатление тигриности. Когда мы к нему только-только привыкали, Я. Г. одарил его эпитетом «бонсайный тигр» в честь знаменитых японских карликовых деревьев, потому что немецкое обозначение кота *Stubetiger*, «комнатный тигр», нам кажется маловыразительным. Дальние дачные соседи, которым он не был представлен, звали его «котмордovorот», что вначале вызвало мгновенную отрицательную реакцию Я. Г. («на себя б посмотрели»), но постепенно стало употребляться и нами. Еще мы называли его *гармошкой*, когда хватали и тащили с медицинскими целями, а он при этом издавал полувздых-полумяв, действительно очень похожий на звук, издаваемый гармонью, если ее быстро растянуть или сложить. Наш (и Мишкин) друг назы-

вал его иногда *деловой венник*; я не понимаю, что это может значить, но звучит смешно и говорилось с любовью.

Короче – Мишка красив до невероятия и не вполне обычен, хотя прежде всего бросается в глаза величина. Морда способна выражать разные чувства, но об этом позже.

Походка на продольно открытом пространстве (например, на садовой дорожке или в длинном коридоре) тигриная абсолютно, за исключением одной детали: да, загребает лапами, ставя одну перед другой, низко опущена голова, взгляд исподлобья, – все это так. Но вот хвост поднят, изящно изогнут, как страусово перо, и грациозно покачивается. Это знак того, что кот всем доволен. По улицам дачного поселка, конечно, ходит более скромно и даже иногда рысит, хотя вообще склонен блюсти достоинство и вести себя чинно (увы, в основном на людях).

Еще одна тигриная особенность телосложения: шкура ему как будто бы немного великовата, так что иные дерзкие незнакомцы подчас обвиняли его в пузатости. Ничего подобного, это шкура висит. А устроено это для того, чтобы враг, если схватит зубами, схватил бы шкуру, а не само тело. Так и вырваться легче, и вреда меньше.

Виды походки: шаг, рысца, галоп и полет. Шаг описан выше: тигриный, чуть вперевалку. Шагом Мишка на даче уходил по своим котовым делам или возвращался домой, если не был голоден. И по дому ходит в основном шагом. Полет применялся при удирании от больших собак и при изгнании

других котов с участка, если добром не уходят. Впечатление феерическое: легко (на самом деле, наверное, с очень большой силой) отталкиваясь от земли, кот пролетает метра два, вытянувшись во всю длину, а хвост при этом с каким-то замедлением развевается сзади. Галоп – при переходе людного места, при погоне за кошкой или если очень кушать хочется. Рысцой кот трусил по обочине опять-таки по своим котовым делам или возвращался домой, если кушать хочется, но средне.

Есть у него одно подлое свойство: если он на даче возвращается домой, даже торопясь, и застигает кого-то из нас, людей, на садовой дорожке или – что гораздо чаще – в цветниках, то тотчас с томным мявом валится на спину и требует, чтобы ему чесали подбородок и гладили по головке. Может, быстро переворачиваясь, намекнуть и на настоятельную необходимость чесания боков. Все это значит, что если его не любят, то он может и уйти. И горе нам, если почешем-погладим так, что он усмотрит в этом небрежность, – повернется и уйдет воплощенным укором. Конечно, лучше всего взять его на руки и потащить в дом; тогда раздастся громкое триумфальное мурлыканье. Но если чесание достаточно выразительно, а кушать очень хочется, то и сам пойдет. Это, конечно, очень мило, трогательно и грациозно, если не учитывать все-таки немалый вес кота и то, что при работе в саду руки всегда чем-то заняты (не говоря о том, что испачканы), а поясница, как говорится, отламывается.

К концу летнего сезона Мишка «загорают», из голубоватого становится буроватым. Совершенно камуфляжная расцветка для позднего лета: у нас есть фотографии его в травке под кустом гортензии, так на этих фотографиях отыскать его невозможно. Сначала приходится изучать все белые пятна, кто из них соцветия гортензии и кто – Мишкина манишка. Потом соображать, в какую сторону от манишки он на этот раз развернулся, и искать лапы. Туловище и хвост находятся в последнюю очередь. Воспроизвести эти снимки, по-моему, не удастся.

Есть у Мишки и зимний камуфляж. Дело в том, что в нашем доме весьма популярны карпатские пледы-лижники из овечьей шерсти, в основном серые с белым. Так вот, если у какого-то фрагмента лижника вдруг прорисовываются черты лица, то это не фрагмент лижника, а расположившийся на нем Мишка. Прочее сливается с фоном до полной невидимости.

На старости лет Мишкины бока и спинка утратили яркость расцветки; он стал почти гладко-дымчатый с белым, и только затылок, мордочка и лапы разукрашены по-прежнему. Но знавший Мишку в его лучшие годы находит следы полос и пятен и на туловище. Особенно хорошо они видны, когда кот свежевывесан.

Проблема номер один: питание

С питанием в Мишкином детстве все было очень плохо, потому что нечто, условно называемое социализмом, безобразными рывками переходило в нечто, уже никак не называемое (горячие головы называют это капитализмом, но это так, на нервной почве). Питались в основном те, у кого в семье был кто-нибудь шустрый и боевой, досконально выяснивший, когда в какой из окрестных и дальних магазинов что привозят, и мечущийся весь день из очереди в очередь. У нас такого освобожденного члена семьи не было, а сами мы не могли и не умели придерживаться подобного режима. Но Господь снисходителен к малым сим, и та самая моя коллега Наташа (точнее, Наталия Алексеевна, в дальнейшем Н. А.) вдруг позвонила и сказала, что у них на работе дают печенку по 4 кг в одни руки, а у них в доме ее никто не ест, включая кота Мики. Как хорошо, что про такой способ добывания продуктов и других предметов потребления уже явно и прочно забыли, так хорошо, что даже объяснять не хочется, как это мы жили. Короче, 4 кг печенки были втиснуты в наш холодильник и служили залогом жизни, роста и благополучия котенка. Но так как это слишком сытная еда, мы придумали мешать печенку с рублеными говяжьими легкими, покупаемыми на рынке по неслыханно малой цене «рупь кило». Интересно, что при этом находились пуритане (как про-

тестантские, так и православные), которые сурово порицали нас за то, что народ голодает, а мы тут за едой для кота на рынок ходим. Попробовали бы они эти легкие, совершенно безвкусный продукт, из которого по методу «суп из топора» можно делать пироги. Этим мы не занимались как по причине отсутствия других ингредиентов (мука, дрожжи, яйца, масло, лук), так и потому, что Мишка пирогов не ел. Что ели мы сами – не помню; психологи говорят, что ужасы, к счастью, забываются. Но помню роскошные заграничные вещи, привезенные Я. Г. из Германии: 2 чашки простые, столько же простых тарелок, 2 электрические лампочки, нитки черные и белые и средство для мытья окон.

А когда кончились эти 4 кг, я, будучи на рынке, узрела кооперативный киоск и в нем печенку. Причем по госцене, так что купила очередные 4 кг. А когда кончились и они (и киоск тоже как-то расточился), пришла к концу и продуктовая паника и даже стали мелькать кошачьи консервы, которые экономно мешались с теми же легкими. Наверное, самой большой трагедией нашей семейной жизни было то, что Я. Г. забыл в холодильнике стокгольмского отеля три банки кошачьих консервов.

Дальнейшие перипетии кормления кота почти целиком исчерпываются печальной констатацией из одного справочника: если вы купили коту на пробу банку новых дешевых консервов, он с яростью накидывается на них и пожирает чуть ли не за один присест. Обнадеженные грядущей эконо-

мией, вы покупаете ящик этих консервов. Будьте уверены: отныне он на них и смотреть не захочет.

Все это правильно, кроме ящика: такую трату мы могли себе позволить только при вывозе кота на дачу, да и то не каждый год, да и то пока подмосковные магазины не обзавелись кошачьей едой. И год за годом мечтали, что на даче, питаясь мышками и птичками, он снизит свои претензии к домашнему столу. Какое там! Скушав мышку, киса прибежал домой с какой-нибудь неаппетитной ее деталью в зубах и требовал награды за подвиг в виде еды. Он исступленно домогался той или иной еды, а получив, вскоре начинал ею пренебрегать. Похвалы он заслуживает разве что за два эпизода своей биографии:

1. На горьком двухлетнем опыте убедился, что лягушек есть не следует, потому что от них тошнит. Смех смехом, а установление котом причинно-следственной связи – это уже кое-что. При этом я склонна не засчитывать ему отказ от жевания растений, последовавший за двумя неудачными попытками, потому что они следовали одна за другой, да и растения были горьковатые. К тому же когда он обрел новую жизнь на новой квартире, воспоследовала еще одна волна попыток. Но с лягушками было покончено навсегда, и 10 лет он на них и смотреть не желал, а довольствовался ящерицами.

2. В детстве с удовольствием ел курицу, если давали. На даче убедился в том, что куры – это живые существа, являю-

щиеся объектом собственности. И не только за ними не охотился, но и дома осмотрительно не ел; может быть, думал, что мы ее украли, и боялся попасть в соучастники. И очень правильно делал, что не охотился, потому что крупнейший обладатель кур по соседству «на всякий случай» убивал котов, приближавшихся к его курятнику. Каким образом Мишка умудрялся торчать у него во дворе, ухаживая за кошками, и в то же время доказывать свою индифферентность к куриному племени – одна из тайн высокого искусства.

И вот что интересно: с тех пор как на даче куры в округе повывелись, он как ни в чем не бывало уплетал курятину и куриные консервы. Но печенке остался более-менее верен до старости, хотя изредка против нее бунтовал, но в основном бунтовал, если не было печеночного гарнира¹. Причем долго лежавшую в морозилке отвергал, и ни о каких крупных запасах речи больше не было. А в тринадцать лет с печенкой было решительно покончено: сверхкалорийная еда – не для пожилого возраста.

Всякие разговоры о том, что котов нужно приучать к «тому, что все едят», выявились на Мишкином примере как несостоятельные. Хороший ветеринар объяснил нам, что если кот не пьет воду (а он до 13 лет ее не пил), то значит, он – чистый хищник и может кормиться только мясными продуктами

¹ Вообще-то чистая печенка – далеко не самая подходящая постоянная еда для кота, и даже в смеси ею не следует злоупотреблять. Нас оправдывал дефицит; к тому же Мишка сам регулировал свое питание – и правильно делал.

и рыбой; единственно возможные добавки – немного цветной капусты и зеленого горошка, да и то не часто. А лакомство – яичный желток, но не часто. Еще он примерно раз в год может съесть малюсенький кусочек сыра или полизать с руки сметану, а в другом виде он ее напрочь игнорирует.

В общем – обжора и привереда. Только раз в жизни проявил благородство: с великими трудами вскарабкался ко мне в мансарду с птичкой в зубах, грациозно сложил добычу к моим ногам и отошел, скромно потупившись. Я с перепугу сказала то единственно правильное, что, как я потом выяснила, и нужно говорить: «Сам жри!» Вздохнул с явным облегчением, схватил отвергнутый дар, удалился в угол и потребил за полторы минуты по часам вместе с перьями. Для слабонервных: только больная птица может позволить коту себя поймать. А если вам, несмотря на это, *птичку жалко*, то знайте: подавляющее большинство котов, выпадающих из окон в высоких домах, не идиоты и не самоубийцы, а охотники за птицами. Такова месть птичьей породы. Распространенная идея, согласно которой коты лазят по деревьям и едят птичьи яйца, а скорлупки сбрасывают вниз, критики не выдерживает: скорлупки валяются там, где уже вывелись птенцы. Представить же себе кота, аккуратно разбивающего яйцо, сидя на дереве, выше человеческого разума; до такого взлета воображения могут подняться разве что авторы мультяшек и их постоянные зрители.

Однажды у нас на даче из гнезда под крышей вывалил-

ся птенчик-подлет и угнезвился в кусте японской айвы, то есть на высоте примерно 60 см. Я сама его в родимое гнездо вернуть не могла и в ожидании того, кто полезет на крышу, положила на волю Божию. Мишка как минимум два раза прошел мимо трепыхавшегося птенца и усом не повел.

Слабость Мишки – копчушки, которых ему категорически нельзя (жирные и соленые). Пришлось и нам их не есть, потому что поведение кота при наличии в доме копчущек переходило всякие границы как наглости, так и пресмыкательства. Стыдно было за весь кошачий род.

Еще одна неприятность, связанная с кормлением кота, базируется на известной общей самооценке кошачьего племени: они всегда склонны себя жалеть. Давным-давно установлено, что если вы хотите завязать хорошие отношения с собакой, нужно ей сказать «хорошая собака», и она сразу ощущает прилив бодрости и испытывает самые добрые чувства к собеседнику. Но желая понравиться кошке, следует сказать «кися бедная», пусть даже данная кися купается в роскоши и чуть ли не лопается от довольства. Поскольку ничто котовое Мишке не чуждо, он страдает и этим малопочтенным свойством и умеет им пользоваться: не вполне понятным образом кот, клянчащий еду, намекает, что все его бросили и позабыли, кроме того, на кого в данный момент устремлен его молящий выразительный взор. Если поддасться на такую провокацию и счесть себя единственным защитником и покровителем *бедной кисы*, это может привести к

домашним недоразумениям. Поэтому мы ненавязчиво подвергаем осмеянию и кота, и свое подспудное тщеславие: тот, кто в данный момент дает коту его мисочку, говорит: «На, Мишка, все плохие, я хороший». При этом бедное животное, всецело погруженное в мисочку в прямом и переносном смысле, и не подозревает, что говорящий над ним слегка издевается – а заодно и над собой.

К концу дачного сезона Мишка, несмотря на драки и ухаживания, отъедался до состояния выше великолепного. И тут, очевидно, понимая всю важность витаминов и прочей ерунды, он снисходил на недельку до козьего молока. Но как снисходил! Представьте себе упитанного кота, который приник к мисочке и истово лакает, и вы, как в физическом опыте, видите, как понижается уровень жидкости в мисочке, а кот тем временем приобретает форму грушевидную. Или еще: принесенная мисочка ставится на столик (низкий), рядом с которым на диване дрыхнет кот. Не открывая глаз, он полуползком добирается до мисочки, припадает и пьет; глаза открываются только тогда, когда молоко прикончено, и служат путеводителями к месту спанья. Дойдя дотуда, кот вновь погружается в сон.

Никогда не воровал еды, за исключением трех раз в жизни, да и то, как благородный разбойник, «брал свое»: приготовив ему еду, мы ставили ее на стол, чтобы остыла. Мишка, считая, что температура уже подходящая (котам лучше всего давать пищу при температуре 38-39 градусов), вскакивал

на стол и ел. Три раза за долгую жизнь – разве это много? Но однажды, когда гостящая у него кошка стала есть самовольно (а мисочка стояла на холодильнике), Мишка вскочил туда же, дал ей шлепка и согнал. Хотя всегда был джентльменом. Но трапеза имеет свои правила, и нарушение главного из них он допустить не мог, – вкушать пищу следует в отведенном для этого месте, а не кое-как скорчившись на холодильнике.

Уважение Мишки к месту трапезы было доказано им через много лет: как-то я наполнила его мисочку (а он очень проголодался и вился вокруг ног) и хотела уже поставить, но вспомнила, что хорошо бы положить ему лекарства. Оно было у меня в комнате, и для простоты я пошла туда с мисочкой. И обнаружила, что голодающий за мной отнюдь не идет, а терпеливо сидит и ждет у места кормежки.

Это вам не упоминавшийся уже Мики, кот Н. А., знаменитый не менее Мишки, но в ином роде: он в зрелом 16-летнем возрасте наглотался тыквенных семечек, а потом ему было очень-очень плохо. Впрочем, и Мишка в зрелом возрасте согрешил против морали и даже покусился на картофельный салат с рыбой. Тарелка, на которую он посягнул, вопреки правилам педагогики была спущена к его месту кормления, и он за два подхода потребил ее содержимое, включая картошку и огурец.

Правда, у старости есть свои привилегии (говорю как про Мишку, так и про себя). Поскольку я стала прихварывать, мне приносили еду в постель. Мишка справедливо решил,

что если мне можно нарушать правила, то и ему можно, тем более что его кошачий возраст давно перерос мой человеческий (мы считаем его по формуле 15 лет за первый год жизни и по 5 лет за все остальные годы; хотя есть и другие формулы, например, шесть с половиной лет за год)², так что он счел себя вправе претендовать на некоторые отступления от ритуала вкушения пищи. К тому же знаток и любитель кошек Карел Чапек отношение котов к человеческой трапезе сформулировал как **ЧТО ТЫ ЖРЕШЬ? ДАЙ МНЕ!** Вообще-то это Мишке было не очень свойственно, особенно после того, как мы однажды, купив немного хорошей любительской колбасы, когда она возродилась из небытия, решили поделиться радостью с котом. Кот получил маленький ломтик на пробу, понюхал, брезгливо отряхнул вибриссы и устремил на нас взор, в котором явственно читалось: и **ЭТО** вы называете едой?

Так как кормят меня в хвором состоянии либо вареной рыбой, либо вареной курицей, то пока не принесут отдельного блюдечка, у меня остается одна возможность: давать ему кусочек за кусочком, не допуская простоя, а то влезет в тарелку. Но уж если блюдечко принесли, то кот тактично сидит перед ним, даже если оно временно пустует, и в тарелку больше не суется.

К тому же на старости лет Мишка время от времени при-

² Для любителей статистики: в 14 лет Мишке было в пересчете на человеческий возраст 80 лет по первой формуле и 91 год по второй.

хварывает желудком, и вкусы его стали особо избирательными. Но он хорохорится и корм для старых кошек в чистом виде не ест. Зато одно время, очевидно, подбирая себе меню, ел, как собака, из рук кусочки колбасы и даже сосисок. Неужели так улучшилось их качество? Но всему предпочитает рыбу. Привычку делить со мной трапезу он перенес и на мое здоровое состояние: если я за едой, то Мишка, сидя на серванте, торчит за моим правым плечом, как будто нагло претендует на роль ангела-хранителя. На самом деле он претендует на все, что я ем, включая предметы, явно для него несъедобные, вроде медовой коврижки. Уловив проявление замедления в подавании пищи, укоризненно протягивает лапу и трогает меня за плечо, даже вроде бы подталкивает руку. Однажды я смогла этим воспользоваться. Нужно было дать коту лечебную водичку для пищеварения. Я села на свое обычное место, поставив перед собой Мишкину мисочку с водой. Он немедленно взгромоздился на свое законное место и вытянул морду. Я, притворяясь, что мне самой хочется, протянула ему мисочку. Выпил как миленький. И так несколько раз. Да, питание пожилого кота – это смесь поэзии с какой-то малопочтенной социальной областью знания.

С годами он набрался опыта и мчит к месту кормежки, едва заслышав звон своей мисочки. Поэтому объемистую ночную порцию ему удастся оставить только со второго захода: первую он немедленно уничтожает. К утру уничтожает

и вторую и требует добавки на ранний завтрак. На его счастье, Я. Г. обычно встает ни свет ни заря и обеспечивает подкрепление. А если нет, то Мишка будит его вполне бесцеремонно. Но меня – никогда, даже если Я. Г. в отлучке. А бывает так: открыв глаза, я вижу, что кот свернулся на своем стуле в изножье и вроде бы дремлет. Но в ту же секунду, как я спускаю ноги на пол, слышится тяжелое мягкое плюханье – и Мишка с развевающимся хвостом шествует передо мной к месту трапезы. То есть терпеливо ждал моего вставания.

Повадки взрослого и тем более старого кота напоминают мне дивную фразу из хорошей немецкой книжки по коотоводству, авторы которой умоляют хозяев, чей кот принес им значительную прибыль (с каждого помета чистопородных котят хозяевам кота полагается стоимость одного котенка, а это немалые деньги), не убивать его, когда он одряхлел, а держать до естественной кончины. Объясняется это так: *Er hat sein Gnadenbrot verdient*, буквально «он заслужил хлеб милости». И хотя Мишка всю жизнь размножался абсолютно бескорыстно, мы тоже считаем, что он достоин того, чтобы старость его была обеспеченной всем, что мы можем ему предоставить по части еды, понимания и комфорта.

Собственно говоря, мы занимались этим всю его жизнь, не дожидаясь специально старости. Например, чтобы не держать нараспашку дверь туалета, мы устроили в ней *котоход*: квадратное отверстие, в которое он свободно пролезал. Если кто-нибудь хочет это проделать, помните: ширина котохода

должна равняться ширине морды вместе с вибриссами, потому что вибриссы – орган чувств, и не следует их травмировать. Потом мы сделали котоход и в дачном доме, чтобы Мишка ночью входил и выходил, сколько душе угодно. А когда заменили одну дверь в квартире пластиковой «гармошкой», котоход тоже не был забыт.

Еще одна проблема номер один: воспитание

Обычно считается, что воспитание кота сводится к санитарии и гигиене. Как раз с этим было не так просто, потому что Мишка попал к нам трех с половиной месяцев, а «дома» ему дозволялось иметь несколько туалетов. Побороть эту привычку мы так и не смогли и пошли на компромисс: поставили ему в его излюбленных местах два дополнительных туалета. Дальнейшее воспитание было скорее привыканием друг к другу, и очень скоро выяснилось, что коль скоро мы делаем усилия для того, чтобы понять кота, это окупается. Классический пример: кот делает лужи под дверями. А это потому, что он должен быть охранником и инспектором и за ночь несколько раз обойти все помещения. Значит, нужно все двери в квартире оставлять приоткрытыми, и тогда все довольны и счастливы. Если кот при наличии собственного туалета тем не менее «нарушает», значит, туалет грязный, нужно вымыть и сменить песочек. Если кот воротит нос от миски, а сам ходит и канючит, значит, либо еда несвежая, либо свежую еду насыпали в грязную миску. А может, желает разнообразить меню, такое тоже бывает.

Вообще коты большие чистюли и аккуратисты; в том, что они пачкают, повинны прежде всего люди. А вот опрыскивать территорию некастрированный кот будет обязательно, и

с этим ничего не поделаешь. Но прежде чем лишать его простых радостей жизни, обратите внимание на то, что ликвидировать запах сравнительно нетрудно: протереть либо крепким раствором марганцовки, либо уксусом – и через полчаса запаха как не бывало. А если еще опрыскать туалетным дезодорантом, кот скорее всего к этому месту и не подойдет. А когда в его маленьком мозгу окончательно утвердится мысль, что все здесь принадлежит ему и никакой агрессии ждать не приходится, он и опрыскивать перестанет (дома, но не на даче, где бесперечь шастают другие коты и где его первейшая обязанность при выходе из дома – пометить ближайшие кусты, а потом уж дальнейшие). Однажды у нас в связи с этим произошла большая неприятность: кот пометил громадный букет многолетних астр, привезенный поздней осенью с дачи. Астры, конечно, пришлось выкинуть, а нам наука – больше цветов с дачи мы не возили, чтобы не пробуждать инстинкта.

И еще: пушистых котов нужно вычесывать почти ежедневно, а еще лучше – просто ежедневно, потому что иначе они, вылизываясь, глотают много шерсти, а потом их рвет тугими шерстяными колбасками, так что можно представить себе, как им плохо, когда шерсть забивает желудок. Продается специальная паста, которой котов нужно кормить, и тогда шерсть растворяется. Но это довольно дорого.

Вычесанная из Мишки шерсть, скопившаяся за годы, была отдана на прядение; получился небольшой клубок голубо-

ватого пуха, несравненно более нежного, чем любой другой. Когда клубок принесли, я предъявила его на просмотр естественному владельцу шерсти. Изумлению его не было предела; он явно никогда в жизни не встречал кота такой странной формы. Ходил вокруг, нюхал, даже, кажется, пожимал плечами и поднимал брови. А на спряденную собачью шерсть реагировал гораздо более спокойно.

Всему этому мы потихоньку учились – учились понимать нашего кота. Попутно установили, что некоторые его волеизъявления вполне можно сформулировать человеческим языком; поэтому когда я пишу про какие-то котовые речи, то это наша собственная вольная интерпретация, в правильности которой мы, однако, более-менее уверены.

Поскольку существует мнение, что коты и другие звери могут попасть в Царство Небесное, мы задумались над проблемой их райской речи и пришли к выводу: говорить они не будут, но мы будем их понимать, потому что очистимся от греха.

Но вот чего не было у нас с Мишкой и, по-моему, вообще быть не должно, это уподобления кота человеку, сюсюкания вроде «подожди, сыночек, сейчас мамочка тебя накормит». Никаких сыночков и мамочек! Зверь – он зверь и есть, и если в этом своем качестве он прекрасен и совершенен, то как человек он может быть только жалким уродом. В этом смысле булгаковское «Собачье сердце» – очень убедительный рассказ о том, как из симпатичного в общем пса получа-

ется прескверный человек. Тем более что мы не можем отрицать наличия у животных души, поскольку они выказывают богатейшие эмоции и их понятия о добре и зле, пожалуй, более обширны, нежели у соловьевского готтентота³, но вот насчет духовности... Конечно, Дух дышит, где хочет, но даже интуитивно чувствуется, что животных Он может разве чуть коснуться, да и то если они живут в тесном контакте с людьми (конечно, они, как и растения, обладают «простейшим», если можно так сказать, из даров Духа – даром жизни). Но о Мишкиной душе речь впереди. Пока что – яркий пример его умственной ограниченности.

Это у нас называлось «бой Руслана с головой». Русланом был молоденький Мишка, головой, к сожалению, я. Стоило мне улечься, как в изножье дивана обозначались уши и чувствовалось, что кто-то маленький страшно напряжен. Миг – и с кавалерийским топотом кот мчится по мне от ног к голове и на эту голову нападает. И так – пока не устанет. А он выносливый. Я закрываюсь, чтобы только полноса торчало – никакого результата, кроме неудобства. Наконец умный Я. Г. сказал: «Он не в состоянии отождествить тебя стоящую с твоей лежащей головой. Он нападает на неизвестного небольшого зверя». Я с облегчением откинула одеяло, высунула руку, пошевелила пальцами, и нападения прекрати-

³ Для тех, кто не читал «Три разговора» В.С. Соловьева: готтентот, отвечая на вопрос христианского миссионера, утверждает, что добро – это когда он угоняет чужих коров и похищает чужих жен, а зло – это когда у него утоняют коров и похищают жен.

лись раз и навсегда.

Справедливости ради следует привести и пример умственных способностей кота. Ну скажите на милость, каким образом он узнаёт банку со своими консервами, если размерами и формой она ничем от других не отличается? И если этикетку содрать, тоже узнаёт? И если он нуждается в сливочках, то почему проявляет интерес к ним в любой упаковке, даже если такой еще ни разу не видел?

Об общей Мишкиной доброжелательности будет говориться еще не раз. Но нельзя сказать, что это его природное свойство, скорее – результат работы над собой. Если незнакомый человек (обычно мужчина) правильно подходит к коту, то есть для начала чешет ему щеки, а потом начинает гладить или вовсе берет на колени, кот чаще всего сидит смиренно. Но при этом жутко линяет – от страха; то есть умеет себя преодолевать в том, что касается поведения, но не в физиологической реакции. Конечно, это с его стороны благородно, хотя очищение от шерсти – очень трудоемкий процесс. А потеет он только лапками и языком; особенно грустно это выглядит в дальней дороге, когда подстилка в котовозке становится влажной, а язычок судорожно дергается в раскрытой пасти.

Замечу, что кот – НЕ ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ⁴, хотя

⁴ Вспомним, что у Льюиса в «Хрониках Нарнии» постоянно говорится о том, что Аслан – не ручной лев. При всей существенной разнице налицо тем не менее некая смысловая параллель.

все привыкли думать обратное. Доказательств два:

1) официальное собачье название в классификации животных – *canis domesticus*, «пес домашний», мыши – *mus domesticus*, «мышь домашняя» (в отличие от мыши-полевки, лесной мыши и еще какие там есть). А кот? Ничего подобного, кот называется *felis catus*, то есть «котообразное (или кошачье) кот», так же как тигр – *felis tigris*. И когда Я. Г. впервые в жизни принес Мишку на осмотр в ветлечебницу и стал выцарапывать его из котовозки, а Мишка все вытекал и вытекал и никак не кончался, ветеринарша и ассистентка в один голос закричали: «Ой, кто это?» На что Я. Г. гордо отвечивал: «*Felis catus*» – и был прав, потому что вопль явно относился к классификационному виду принесенного зверя.

В связи с этим не могу не вспомнить, как задолго до Мишкиной эры меня водили по оранжереям Ботанического сада. И вдруг в растительном интерьере, очень талантливо стилизованном под естественные заросли, зашевелились стебли какого-то экзотического бамбука и из них вылезло НЕЧТО ОГРОМНОЕ. Инстинктивно отступив, я замирающим шепотом спросила: «Это *felis catus*?» – и перевела дух, только получив подтверждение. Очень уж похоже было – и по величине, и по обстановке – на камышового кота, который тот еще хищник. А мне рассказали, что такая популяция вывелась здесь потому, что очень по душе пришлась котам тропическая атмосфера, и мышей более чем хватает, потому что им она тоже пришлась по душе.

Так что кот, выражаясь по-научному, не одомашнирован, то есть не одомашнен, и живет с нами по своей воле. С какими чувствами он это делает – вскорости скажу, сначала второе доказательство:

2) ни одна кошачья порода не была выведена людьми; люди только выявляли интересные мутации и закрепляли их. Дело это настолько деликатное и трудоемкое, что тем, кто его предпринял, нельзя отказывать в приоритете. Такое, конечно, встречается редко, но в принципе кошка любой породы может родить котенка (почти) любой породы. Например, у Мишки от простейшей гладкой трехцветной Мурки (правда, кошки необыкновенного ума) родился котенок породы колорпойнт. Это так: похож на сиамца по цвету туловища и расположению остальной раскраски, но пушистый. Голубоглазый. «Оконечности» (нос, кончики лап, хвост, уши) голубовато-дымчатые, в папу. На них – легкие полосочки (в дедушку). Позднее я нашла колорпойнтов в полосочку в котовом журнале, где они описывались как новая порода – «петербургская маскарадная». Конечно, вывести устойчивую породу – дело рук человеческих, и дело непростое. Но родоначальники этих пород не только гуляют, но и рождаются сами по себе.

Теперь о чувствах. Коты вообще нервные, поскольку сознают себя гордыми и великолепными хищниками, мощными и свирепыми. А размер и многовековая привычка сделали их зависимыми от человека. Поэтому знайте, например,

что при котях нельзя смеяться, во всяком случае, глядя на них: они обидчивы и принимают смех на свой счет. Наверное, им кажется, что мы смеемся над их малым ростом и непомерными амбициями.

Про амбиции нам объяснила наш любимый Мишкин доктор Наталья Викторовна Паранич; точнее, она научила нас видеть Мишкины сны. Вот, например, лежит кот на боку, лапки подергиваются, вибриссы подрагивают и раздаётся слабенький писк. Снится же ему, что он великолепными прыжками мчится по саванне, издавая победительный рык, – и вот настигнутая добыча уже трепещет в его клыках.

Не надо осуждать котов за гордыню: они ведь не совершили первородного греха и, непадшие, добровольно вошли в атмосферу зла и греха, окружающую человека. И, наверное, не без воли Божией они это проделали.

Смотрите сами. Плодородные почвы Нила способствовали тому, что люди стали получать высокие урожаи и могли запасать зерно, а не ползать круглый год в поисках чего-нибудь съедобного. Появилось время мыслить, строить, молиться, заниматься искусством... А тут мыши, и хрупкое благоденствие из-за этих мелких ничтожеств вот-вот рухнет. И появляются ОНИ, грациозные, на длинных сильных лапах, с большими зелеными глазами (так и сейчас выглядят египетские кошки; порода называется египетская мау, что, собственно говоря, означает *мяу*), – и успешно расправляются с врагом. Так что обожествление египтянами кошки – просто

долг благодарности.

У нас никакого обожествления не было. Правда, однажды мы усомнились было в чисто животном Мишкином происхождении, да и то с перепугу, и быстро пришли в себя. Судите сами: входим мы в комнату и видим, что кот стоит на окне на задних лапах, левой передней уперся в раму, а правой, сопя и хмурясь от усилий, пытается открыть задвижку форточки! Поза, мимика, жест – все было совершенно чело-векообразным. Не было только противостоящего большого пальца, без которого все усилия оказались тщетными. Нужно сказать, что с годами происходило некоторое (впрочем, незначительное, если не спорное) очеловечивание кота, но это касалось только области чувств. Котенком он был с нами сдержан, как подросток, но постепенно начал выказывать приязнь. В основном приязнь кота выражается в том, что он располагается где-то поблизости и дремлет или делает вид, что дремлет; в последнем я убеждалась на даче, когда, корпя над каким-то цветником, обнаруживала где-то на расстоянии метров двух нечто серое и пушистое, а перейдя на другое место, вскорости замечала то же самое нечто и на той же самой дистанции, но уже с переменной позиции – и снова поблизости.

Справедливости ради следует сказать, что такое выражение приязни – подремывание неподалеку – я встречала еще пару раз. Первый раз это относилось к ежику; ежи у нас на участке жили и питались очень активно. Первая встреча

Мишки с ежиком закончилась, естественно, разочарованием и обидой: кому понравится нюхать колючки, которые к тому же так и норовят воткнуться в нос! Потом он как-то смирился с автономным существованием ежей, и однажды я наблюдала умилительную картинку: стоит кедр, под кедром зеленая травка, и в этой травке на расстоянии полутора метров друг от друга два серых клубочка – Мишка и ежик – спят мирным сном. И еще была юная черная кошечка Барбара, которая по-подростковому очень кокетничала с Мишкой и всячески делала вид, что она у нас живет: когда Мишки не было, приходила и непринужденно располагалась (еды не просила никогда), а если он был дома и спал, укладывалась неподалеку. Правда, конец в обоих случаях был одинаков: пришедший (или проснувшийся) Мишка ее довольно свирепо шугал, мол, нечего тебе, соплячке, сюда шастать. Но осенью, когда ей исполнился год, он к ней снизошел.

И все же коту (Мишке, по крайней мере) свойственно иногда и иступленное желание приласкаться, и тогда он прибегает, усиленно мурлычет и даже подмяукивает и тычется мордочкой. Однако подчас он демонстрирует и столь же иступленное желание подраться, но это уже по части Я. Г., который взял эту функцию на себя и заметил, что если дело идет к трапезе, то кот дерется, стараясь не выпускать когти – а вдруг дружеская и мирная потасовка перерастет в серьезный конфликт и его оставят без еды?

Однако существует высшее выражение довольства и при-

язни кота, и его нужно претерпевать с полным смирением, потому что состоит оно в том, что, например, лежа у вас на коленях с прижмуренными глазами и тихонько мурлыча, благодарное животное потихоньку впускает в вас когти. Это рефлекторно, от хорошей жизни, и если скинуть и выругать – не поймет и будет пребывать в горьком недоумении.

Но все эти обычные котовые модели поведения ровно ничего не стоят в сравнении с редкими (так уж получилось) случаями, когда я бывала чем-то серьезно огорчена и расстроена и доходила до грани слез, а если говорить честно, то и за эту грань переступала. В таких печальных обстоятельствах Мишка начинал как-то жалко суетиться, бестолково тыкался в меня то носиком, то бочком, вздрагивал и тихонько подмякивал. Нужно было немедленно отставить свои горести до лучших (или худших) времен, сгрести кота в объятия и тихонько с ним усесться, а лучше – улечься. Он затихал, начинал мурлыкать и успокаивался. И я вместе с ним. И если это не сострадание в самом точном смысле слова, то непонятно, что такое сострадание.

Конечно, если кот сам пришел и притулился, его можно и нужно гладить; можно сказать, он на это напрашивается. При этом почти всегда он начинает мурлыкать, иногда – очень громко. Как-то Я. Г. сделал скромное, но значимое открытие, предположив, что для кота поглаживание представляется удачной заменой маминого вылизывания и что человеческие руки он поэтому считает очень удобно устроенными

языками. Во всяком случае налицо блаженное состояние.

Но вот чего делать не следует, так это хватать кота «поперек живота», как говорится в детском стихе, и тискать его и гладить насильно, если не сам пришел. Тогда у него на морде появляется выражение замкнутости, отчужденности, и он, всем своим видом показывая, что крайне занят, начинает потихоньку вытекать из навязываемых ему объятий. А если с вытеканием бороться, внутри кота зарождается маленький гром, переходящий в большое рычание. А то и тяпнуть может или царапнуть. В общем, самостоятельный индивид, суверенная личность.

Рассказы о неприязни котов к детям нуждаются в поправке: коты действительно не любят буйных, непослушных, неуправляемых детей (их же не любят и собаки овчарочьих кровей, потому что за людей не считают, полагая, что это такие овцы, а с овцами у них разговор короткий: рывкнул, цапнул и погнал), потому что те раздражают их криками и бессмысленным метанием и угрожают не только нарушить душевный мир кота, но и причинить ему физическое насилие. Мишка был все-таки по-котовски неглуп и при посещении нас людьми в сопровождении таких вот детей на всякий случай отсиживался под диваном. А более вменяемых детей мы усаживали и предлагали сидеть тихо. Тогда кот подходил знакомиться, и разрешалось его погладить под нашим руководством. Но от более фамильярных отношений он все равно уклонялся.

Нужно сказать, что хорошим детям, бережно обращающимся с котами, те платят взаимностью. Много лет назад некий котенок пришел ко мне сам (вошел в дверь), очень неодобрительно посмотрел на большую карту Австралии и завалился спать. Жили мы с ним месяца три, а потом должен был приехать с дачи наш непредсказуемый пес Франтик, и мои родители, дабы избежать напряженности, попросили Ваську удалить. Мне удалось пристроить его в дом с девочкой младшего школьного возраста. И там наступило полное счастье, и даже хозяйка дома говорила, что семья нужна для того, чтобы всем вместе любить кота и в результате еще больше любить друг друга. Так вот, Васька утром будил всю семью. И всех по-разному: на папу напрыгивал по-боевому, так что тот непосредственно из мира сновидений переходил к силовой гимнастике, маму теребил более нежно, а к Анечке на кровать даже и не запрыгивал, а ходил вокруг на задних лапах, передними легонько подергивая одеяло. И девочка всегда пробуждалась уже счастливая. Правда, это характеризует не только кота, но и девочку, потому что девочки тоже разные бывают. Не говоря уже о мальчиках.

Кстати сказать, небезынтересно вспомнить, как я пристраивала Ваську – беспородного полосатого кота, уже довольно взрослого. Я обзванивала всех своих знакомых и требовала, чтобы они обзванивали своих. И довольно быстро произошло маленькое чудо. Одному из друзей я позвонила на работу. Он был скептичен и говорил, что задача трудная и

даже вовсе невыполнимая. И когда он сказал: «Ну пойми же, кот никому не нужен», за его спиной раздалось: «Мне нужен кот!» Это была его коллега, совершенно случайно проходившая мимо. И вот ее-то семью Васька и осчастливил и благополучно жил в ней до глубокой старости, отличаясь добродетелью и веселым нравом. И даже у них произошло нечто выдающееся: хозяева забеспокоились, почему это их вполне взрослый кот никак не дает знать, что не прочь жениться, и потащили его к ветеринару. Ветеринар сказал, что кот абсолютно здоров и что имеет место редчайший случай: кот настолько доволен любовью к нему людей и настолько сильно сам их любит, что ему по части привязанностей уже ничего не нужно. Желаящие могут порассуждать о том, действительно ли невыносимо для людей целомудрие, раз уж кот предается ему добровольно.

Но нельзя сказать, что этот легендарный Васька, к которому водили в гости котов и небольших собак, потому что было замечено, что он умеет учить их хорошим манерам, был вовсе так уж безупречен на человеческий взгляд. В те далекие времена купить было можно мало что, поэтому, когда нам с мамой надоел громадный мохеровый платок, мы решили пустить его на вязанье. Распустили по ниточке и смотали огромный клубок, больше футбольного мяча. В один интересный день я пришла с работы и обнаружила, что мохер очень эстетично обмотан вокруг пианинной табуретки (она же еще и крутится, это так здорово!), а Васька счастлив

и горд. Подвывая и ворча, я долго разматывала мохер. А он ходил вокруг и возмущенно мяукал, как художник, шедевр которого уничтожают вандалы у него на глазах.

Внедрившись же в свою новую и постоянную семью, Васька огляделся в поисках хорошего места. Нашел книжную полку, выбросил книги и залег. Правда, это была спецполка, на которую папа ставил свои публикации, но он справедливо рассудил, что Васькин комфорт дороже, и поборол в себе авторское тщеславие.

Думаю, что если бы в обоих случаях Васька был наказан, мир лишился бы примера добродетели кота, а людям тоже пришлось бы несладко.

Однако возвратимся к Мишке и его непростым свойствам. Помимо вытекания, то есть превращения себя из твердого тела в жидкое, Мишка, как и другие коты, владеет еще одним алхимическим приемом. Он может по желанию уменьшать или увеличивать свой вес. Если кот залез в гущу комнатных растений с явным намерением их пожевать или проник в другое неположенное место и его срочно нужно извлекать, он, даже не цепляясь когтями, становится невероятно тяжелым и выдирать его приходится, как знаменитую репку. Если же он залез на колени, но догадывается, что помимо держания его у вас есть какие-то другие дела, он не только смиренно умалется в размерах, но и становится легким, очевидно, желая заверить, что он отнюдь не обуза и не причиняет ни малейшего беспокойства.

Мы вовсе не придерживаемся восточного верования в непоколебимый суверенитет кота – ярче всего оно выражается в предании о том, как (по разным версиям) сидящий Мохаммед (или некий китайский мандарин), которому нужно было стронуться с места, велел отрезать рукав своего халата, чтобы не побеспокоить дремлющую кошку. Если Мишка оккупировал письменный стол, или стул, или диван, кота берут и переносят. Удобнее всего брать его, что называется, «под микитки», то есть хватать под мышки и нести мордой вперед; при этом передние лапы торчат вперед строго горизонтально, а туловище мерно раскачивается. Выражение же лица свидетельствует о том, что кот изо всех сил старается хранить достоинство, хотя это нелегко, и терпит.

У Мишки разработан ритуал, применяемый к своим, некоторым (избранным!) пришельцам, но более всех к Н. А. Ритуал состоит в залезании на колени, после чего кот, слегка повозившись, чтобы улечься как следует, утыкается носиком в локтевой сгиб и окостеневаает в блаженстве. Замечательно, что кот Н. А., грозный и ужасный Мики, которому лирика вроде бы была чужда с детства, *заочно* перенял эту Мишкину позу и тоже стал утыкаться носом и окостеневать. После чего стал поласковой.

Менее приятна Мишкина манера показывать, что он ужасно соскучился: если я пришла и снимаю обувь, он, весь дрожа от нетерпения, вспрыгивает на мою согбенную спину. Ему там неудобно, поэтому он балансирует, удерживаясь

когтями. Мне эта его балансировка тоже не в радость, к тому же стряхнуть его со спины я не могу: во-первых, очень уж основательно вцепился, во-вторых, нельзя сбрасывать кота с малой высоты, потому что он не успеет принять надлежащее положение и может больно ушибиться. Выход один: кое-как разувшись, в скрюченном виде добираюсь до дивана, осторожно сажусь, а потом и ложусь на бок. Тогда кот отцепляется сам.

Пожалуй, еще большей выносливости требует желание котенка залезть «на ручки» к стоящему человеку, потому что он, не тратя времени попусту, подходит и деловито начинает альпинистское восхождение, используя когти вместо ледоруба. Хорошо, что во времена Мишкиных детства и юности у меня была очень плотная длинная домашняя юбка. Но он возобновил эту свою привычку в старости; неужели придется шить спецюбку?

Рассказы о том, что кошки привыкают к дому, а не к человеку, явно произошли от тех людей, которые просто-напросто не в состоянии вызвать к себе элементарную кошачью привязанность⁵. Так что хозяева, повествующие, как замысловато убегали от них в течение жизни различные коты, характеризуют себя, а вовсе не дикарское коварство кошачьего племени. Мишка мгновенно освоился на даче и на второй год (и во все последующие годы) прекрасно знал и

⁵ Писал же Честертон о том, что любовь ко всему человечеству, а не к отдельной личности даже кошку может только оскорбить.

дом, и окрестности, и наши привычки, и под какой штакетиной есть ямка, в которую можно улизнуть, если нет времени чинно выйти через калитку или через котоход рядом с ней. Точно так же он, вернувшись в Москву, не нуждался в том, чтобы ему напоминали, что где находится. Если и было у него привыкание, то сразу к двум домам, а если точнее, то к трем, потому что на даче у нас было два дома: летняя хибарка и зимняя избушка. Но горький опыт показал, что крайний срок нашего совместного отсутствия при нем – это 8 часов. Больше не выдерживает. Его мучения в наше отсутствие проявляются и чисто физиологически, он без нас не ест и не пользуется туалетом – такое напряжение всех систем организма. Поэтому ритуал встречи постепенно выкристаллизовался следующим образом: бурный привет (с годами потухший) – и кот с явственным вздохом облегчения мчится к своему туалету, а уже потом – к мисочке.

Когда мы первый и последний раз при нем отправились куда-то вдвоем дня на три и оставили с ним жить горячо любимую им Н. А., он не только всячески ее терзал и изводил, но и сделал попытку выбраться в окно (высокий шестой этаж!), а так как внешняя форточка была затянута сеткой, то он провалился между рамами. Бедная Н. А.! Рамы довольно ветхие, на улице зима, они заклеены, здоровущий кот бьется между ними. Нужно было снять множество цветочных горшков, расклеить раму, открыть окно – и при этом все время бояться, что он отпрянет и разобьет внешнее стек-

ло. Ей удалось благополучно разрешить ситуацию благодаря непрестанной молитве.

К сожалению, Мишка лишил нас возможности вместе бывать на ночных богослужениях, потому что ночью он не хотел оставаться один. При первой попытке (на Рождество) мы, вернувшись, обнаружили, что моя шуба раскинута на полу в прихожей (вешалка цела – как он умудрился ее сдернуть?), вокруг в художественном беспорядке валяются клочки от шубы, а посреди всего этого безобразия сидит кот и смотрит угрюмо.

Отсутствие одного из нас было более выносимо, но с трудом и с нюансами. При моих отъездах (редких и кратких) Мишка явно подозревал Я. Г. в мрачном злодействе и старался за меня отомстить, как мог. При более частых отсутствиях же самого Я. Г. кот меня очень жалел, как бы говоря: «Бросили нас с тобой, бедняжечек, как жить-то будем?» Когда Мишке было два года, Я. Г. уехал преподавать в Швецию на целый семестр. И все эти три почти месяца, когда я вечером подходила к двери, чтобы запереть ее на ночь на два оборота ключа и на цепочку, кот начинал страшно суетиться, пролезал между мной и дверью и, умильно задрав мордочку, пытался меня оттеснить, и ясно было, что это означает «а может, еще подождем? может, придет все-таки?». В это же время он приобрел привычку спать у меня на груди, оставшуюся на всю жизнь, при этом позволял себя обнимать (говорят, что коты этого не терпят, а это не так, и неправда

к тому же, что они не позволяют брать себя за лапы – сам протягивал, как бы для дружеского руко(лапо)пожатия).

Московское детство и первый выезд

Однако попробуем по порядку. Первая московская зима прошла во взаимном привыкании и в тщетных попытках обуздать буйство переходного возраста (у котят это 6-9 месяцев). Большая Утренняя Военная Игра и Большая Вечерняя Военная Игра стоили Я. Г. много крови: уж если юный боец вцеплялся в руку, например, около кисти, то вел свой стальной коготь (мы их звали рыболовными крючками) до локтя. При этом издавал воинственные крики. Вопил и Я. Г. от нешуточной боли. Ведь это как делается: зубами кот вцепляется в кисть и терзает ее, передние лапы гуляют по руке, а задние наносят серию быстрых и сильных ударов. Меня кот больше щадил, точнее, я быстрее убегала с поля боя. Но если он принимал на диване боевую позу (приник к поверхности, уши прижаты, глаза раскосые, хвост выбивает дробь), а мы подходили вдвоем, то он с укоризной во взоре удирал: двое на одного – нечестно.

Бывало и простое буйство, с метанием туда и сюда, вверх и вниз, с громким топотом и воплями. Особенно часто такое происходило на закате, с наступлением темноты. Проходило, если мы, не в силах уже выносить это безобразие, чуть смачивали ему макушку святой водой. Видимо, котенок еще не знал, что ночь – это его время, время охоты и приключений, и боялся ее, как всякое маленькое существо.

Мишкиным страхам мы нашли словесное выражение, уяснив себе, что он считает, что существует некий Большой и Страшный, который может прийти, и тогда... Однажды этот Большой и Страшный едва не реализовался, и было это так. Один наш знакомый, человек действительно громадного роста, сказал, что на следующий день будет недалеко от нас и зайдет. Мы объяснили, что нас не будет дома. Он сказал, что на всякий случай все-таки зайдет. Мы сказали, что всякий случай исключается, потому что дома нас таки не будет, и на сем расстались. В означенный день возвращаемся домой – кота нет как нет. Паника, в разгар которой он вываливается из гардероба страшно встрепанный и вообще не в себе. Обласкали, утешили. В дальнейшем выяснилось, что «гость» все-таки на всякий случай заходил и на всякий же случай звонил в дверь 40 минут. Можно было реконструировать запредельный ужас кота, который забился в шкаф, как забиваются в потаенный уголок квартиры дети, если пожар или кто-то ломится, в иррациональных поисках укрытия и спасения⁶. Кстати, я вспомнила, что в детстве очень любила сидеть в шкафу именно как в таинственном укрытии, неподвластном законам мира сего.

С тех пор шкаф стал для Мишки каким-то взыскуемым градусом; правда, его сидение там мы не поощряли и регуляр-

⁶ К счастью, бывают исключения, и я с наслаждением прочла как-то про мальчика, который, когда в квартиру ломались бандиты, взял за пазуху кота и через балкон перебрался к соседям, а те уже вызвали милицию.

но его изгоняли – вплоть до особого случая, о котором речь еще пойдет.

По маме-кошке он в детстве немного скучал, и выражалось это в том, что изредка он обнимал меня лапкой за шею, а другой лапкой гладил по щеке. Это у кошек знак любви и уважения к старшему, и обычно котята ласкаются таким образом к маме. И совершенно комичные некотовские позы принимал, укладываясь спать: ложился на бочок, подкладывал обе передние лапки под щеку и подтягивал к животу задние. Постепенно мы сообразили, что это он старательно копирует меня. А со временем это прошло, и кот спокойно спал по-котовски, меняя во время сна одну экзотическую позу на другую: клубочек, потом этот клубочек как-то выворачивается (мы это называли *рокайль* в честь раковины, излюбленного элемента орнаментов стиля рококо), потом кот изгибается дугой, перемешав все лапы таким образом, что иначе как *букет из лап* это и не назвать. Похолодание предсказывает, закрывая нос хвостом. Летом, при хорошей погоде – самые великолепные позы сна: либо на боку, растянувшись во всю длину, передние лапы вперед, задние назад, хвост роскошно откинут под прямым углом к туловищу; либо на спинке, лихо отбросив голову набок и слегка задрав все лапы.

Месяца через два после водворения у нас Мишки его пришел навестить прежний хозяин. Мишка к нему подошел и дал себя приласкать, но особого волнения не выразил и при первой возможности умотал по своим делам в другой конец

квартиры.

Игрушек не любил; мог погоняться за пробкой или катушкой, но ударял слишком сильно, и они быстро уходили «в аут», забиваясь в какую-нибудь щель. Посмотрев с досадой, терял всякий интерес. Зато играл в каратиста: садился перед книжным шкафом, задира л голову, сосредотачивался и с совершенно каратистским криком взлетал на самый верх. Дальнейшие упражнения мы пресекали, потому что он явно нацеливался на хрустальную люстру со множеством подвесок, а из прыжка его на люстру ничего хорошего произойти не могло, нам даже и попробовать не хотелось.

Вначале очень любил ходить босиком по воде, то есть забираться во влажноватую ванну и там бродить. Кончилось это пристрастие крайне драматично. Обычно кот заскакивал в ванну великолепным прыжком с пола. Однажды, предприняв этот великолепный прыжок и собираясь приземлиться, он увидел, что придется скорее приводняться, потому что ванна полна воды. Тут он от ужаса преодолел гравитацию: прямо в воздухе, без всякой опоры, свечой взвился вверх и обратным сальто благополучно опустился на пол. И к водным процедурам совершенно охладел.

Мишкино отношение к электроприборам показывало, что кот у нас осторожный, но отважный. При включении пылесоса он вздрагивал, напрягался, но не убегал, а с опаской ходил вокруг, готовый ко всему. И только воздух, бьющий из сопла, заставлял его посторониться. Страшным врагом была

центрифуга, отжимавшая белье. Она не только рычала, но и немножко подпрыгивала, к тому же стояла в ванне – чисто Левиафан. Предельно собранный Мишка, слегка подрагивая, занимал позицию в дверях ванной лицом к врагу и чуть-чуть подавался то назад (может, утечь?), то вперед (а вдруг вырвется? ведь нужно защищать дом!). Так же реагировал и на кофемолку, и на мясорубку: соблюдал дистанцию, но спину не показывал.

Неподалеку от нас был сад «Эрмитаж», где новые русские, тогда совсем-совсем новенькие, устраивали празднества с фейерверками. Кот очень интересовался, вспрыгивал на окно и всячески вытягивал шею. Но когда в октябре 1993-го палили по Белому дому, он было посмотрел, а потом поскорей ушел от греха и предпочел пока что жить в коридоре. С тех пор фейерверков стало гораздо больше, но он на них никакого внимания не обращал.

Конечно, мне захотелось узнать, как он будет реагировать на зеркало, и я его однажды к нему поднесла. Он с любопытством потянулся носиком, наткнулся на гладкое, холодное и ничем не пахнущее и мгновенно потерял к этому предмету интерес на всю жизнь. Наверное, решил, что это кот-призрак, и убоился неведомого.

Позднее выявилось его отношение к телевизору. Он быстро разлюбил депутатские дебаты (мы тоже). Но от нас он отличался попыткой упорядочить политическую жизнь страны: если на экране возникало какое-то бесчинство, он под-

ходил и гладил это место лапкой; наверное, хотел, чтобы все происходило более благоприлично. Существует один-единственный фильм, который Мишка полюбил верной любовью и всегда смотрел безотрывно и до конца: «Кавказская пленница». Почему? Кто может это знать?

С телевизором связан один эпизод его дальнейшей жизни, заставивший нас задуматься не только над утверждением, что кошки не воспринимают изображение как вид реальных предметов, но и над наличием у них (по крайней мере, у некоторых) нравственного чувства. Хотя это было, когда Мишка был уже взрослым котом, расскажу сейчас, раз уж речь зашла о телевизоре.

Была реклама показа английского фильма про кошек. В указанное время мы усадили Мишку на почетный стул перед экраном, а сами сели сзади. Коварные жители Альбиона, очевидно, «для интереса» начали фильм со сцены, которая, фигурируй в ней люди, была бы признана порнографией. На Мишку она произвела соответствующее впечатление: кот мгновенно вскочил и, отвернувшись от экрана, устоял на нас с горьким возмущением: мол, чего вы мне подсовываете? Извинились, сказали, что больше такого не будет (и вправду не было), и упростили смотреть дальше. Смотрел на собратов с интересом и, как нам показалось, с пониманием.

По аналогии с телевизором можно упомянуть и Мишкино отношение к компьютеру. В общем он с ним старался никаких дел не иметь; правда, однажды, когда был молодой и

резвый, он дал мне повод для тяжеловесной остроты: «Кот прыгнул, схватил мышь и включил Norton Commander». Так оно и было все в точности. Но при этом он, бродя по столу или лежа на нем, никогда не трогает клавиатуру. И вообще явно что-то соображает: как-то сидел он рядом с принтером в красивой позе, а я включила компьютер. Кот спокойно удалился, понимая, очевидно, что коль скоро компьютер включен, то может и до принтера дойти, а тогда тот начнет издавать неприятные звуки.

А вот по факсу кот ходил и почему-то регулярно переводил его в автоматический режим. Может, ждал письма?

...Привезли ему как-то с дачи два сосновых бревнышка в коре высотой под 2 м и диаметром около 10 см каждое. Поставили в угол комнаты, чтоб когти точил. Точить-то он их точил, но при этом не пренебрегал и обоями, и мебелью, а на бревнышки полюбил влезать и сидел на них в позе льва святого Марка с венецианских сувениров. При попытке приблизиться грозно замахивался лапой с отчаянно растопыренными когтями; мы это называли *...поднял на меня пяту* (см. Пс. 40: 10).

С годами почти вся кора с бревнышек была содрана (кроме самого верха и самого низа, где не размахнешься), а сами они стали похожи на какое-то варварское подражание античным колоннам, потому что когти проделали в них бороздки, напоминающие каннелюры колонн, только неровно расположенные. По мере удаления коры все меньше внимания уде-

лялось бревнышкам, все больше – мебели. Когда кот во второй раз основательно распотрошил подлокотники старинной банкетки (после первого раза ее обтянули тканью с гарантией, что никакие когти ей не страшны; это оказалось ошибкой), бревнышки перевели в горизонтальное положение, что вновь пробудило у Мишки интерес к ним. Так он с тех пор к ним время от времени и наведывался, но постепенно все реже.

Однако уже на первом году жизни необходимо было разрешить проблему агорафобии, то есть боязни открытого пространства, которая неизбежно развивается у котиков, живущих на высоких этажах, так что они потом совершенно не могут ходить по земле, – а Мишке предстояло ехать на дачу. Купили щенячью шлейку и в конце февраля, когда стало потеплее, вынесли кота во двор и поставили посередине. Что за жалкое это было зрелище! Он даже не сел, а как-то приник к земле пузом, подсунув под себя по бокам лапки, и был не пушистый, а взъерошенный, как птенчик, выпавший из гнезда, и очень расстроенный. Пробовали мы ставить его на лапы, а они подгибаются. Единственное, чего мы на этот раз добились, – Мишка немножко прополз на совершенно согнутых лапах.

Какое-то время мы ему дали для передыха, а земле – для сугреву, и вытащили опять. На этот раз ползать он начал быстрее, а под конец даже прошелся – но опять-таки на согнутых лапах. В третий раз он уже чуть-чуть пробежался, по-

тому что приметил какую-то насекомую живность (был уже конец марта), и лапы почти распрямились.

На даче в первый день его вывели на шлейке, и он осторожно походил на ослабевших лапах неверной, крадущейся походкой. На второе же утро кот, когда его вывели, встал, выпрямился, осмотрелся, единым непонятным для нас движением катапультировался из шлейки и простился с ней навеки; отныне никакими силами нельзя было уговорить его «одеться», и он начал ходить и бегать, как все обыкновенные люди (и коты).

Первое лето. Первые друзья и враги

День рождения Мишки – 22 августа, так что на дачу он выехал подростком. Сразу проявил большую любовь к исследованию окрестностей, но на ночь не уходил. Мы были относительно спокойны только за котовые драки: известно, что взрослые коты недоростков всерьез не воспринимают и с ними не дерутся, могут разве что слегка пошлепать. Люди, собаки и автомобили в этом отношении менее снисходительны. Но решили раз и навсегда: кот должен жить свободной животной жизнью. Правда, переживали по поводу его долгого отсутствия, еще не зная, что во взрослом виде он и на трое суток будет пропадать.

Справедливо считается, что внимание к одному фрагменту природы пробуждает в человеке внимание и к другим ее фрагментам. Это я к тому, что однажды поздним вечером, волнуясь в отсутствие юного Мишки, мы с Н. А. слышали в ближнем лесочке звуки. При буйном воображении можно было подумать (и мы подумали), что звуки издает котенок в беде. Мы храбро пошли в темноту. Чем ближе мы подходили к источнику звука, тем менее он становился похож на мяв. Наконец поняли, что это ночная птица. Вернулись домой и с тех пор научились различать, где птичка, а где киска.

Однажды на моих глазах произошла история, показывающая, что коты отнюдь не лучше людей: знакомый кот Чен,

проходя мимо нас, остановился у прорехи в заборе и вполне дружелюбно мяукнул. Мишка, приветливо улыбаясь, высунул мордочку. Чен задумчиво смерил его взглядом, закатил оплеуху и не торопясь пошел дальше. На Мишку было страшно смотреть. Зато на следующий год и еще пару лет, пока Мишке не надоело, а Чен не был окончательно укрощен, Мишка трепал его на славу, причем предпочитал для экзекуции грязные канавы, в которых побежденному приходилось особенно плохо.

Наверное, воспитательные экзекуции у животных бывают нередко, даже если не считать вполне заурядных случаев маминых шлепков. Когда у нас на даче много лет назад возростал наш пес Франтик, его помогал воспитывать небольшой рыжий песик Амур, получивший за это прозвище *дядька*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.